

Одно яйцо — а делили вдвоём так долго, что за это время Вэнь-эрню уже успела доесть весь свой маньтоу. В итоге, как старший брат ни сопротивлялся, он всё же уступил: послушно взял свою половину и съел. И где там была его мнимая неохота — и следа не осталось.

Яйцо в деревне — еда простая, но ценная. Питательное и доступное, это чуть ли не первое, что заводят в хозяйстве те, у кого быт хоть чуть-чуть наладился. Если семья более-менее обеспечена, уж пару кур точно держат: яйца — для еды, а когда курица состарится — на мясо.

Новые утки, что недавно появились во дворе, со временем тоже начнут нести яйца, но до той поры ещё нужно подождать.

Юй Шанчжи предложил:

— А что, если завести ещё одну взрослую несушку?

В тот день, когда они были в городе, он видел, как продавали только утят — ни цыплят, ни тем более кур, которые уже несутся, не было.

А Вэнь Ецай, которому давно не хотелось, чтобы Юй Шанчжи делил с ним даже простое яйцо, охотно согласился:

— Ладно, я поспрашиваю, нет ли у кого взрослой несушки на продажу. А если не найдётся — тогда куплю побольше цыплят.

Раньше завести много птицы было сложно — попросту некому было за ними ухаживать. Теперь в доме на одного человека больше, а Вэнь-санья понемногу уже в силах помогать с мелкими делами, например, с кормлением. Так что завести побольше кур — не проблема.

Куриный загон в своё время сделали с запасом, так что теперь, даже если кур станет больше, места хватит. Что до корма — сена, травы и зерновых отходов в доме тоже достаточно, чтобы прокормить живность.

После сытного завтрака все собрали посуду, а затем разошлись — каждый занялся своим делом. Юй Шанчжи решил начать обустраивать в доме место для приёма. Хотя зрение его всё ещё не восстановилось, если кто-то из односельчан сам обратится за помощью, он не станет отказывать. В доме теперь четыре рта, а это значит, что с самого утра уже нужно тратить деньги. Он и так жил в доме Вэнь на полном содержании уж несколько дней. Дальше так продолжаться не может, оставаться иждивенцем для него было невыносимо.

Вэнь-санья вызвался помогать — они вместе достали те самые инструменты для приготовления лекарств, что привезли из города, промыли их водой, протёрли мягкой тканью досуха.

Вэнь Ецай, видя, что помощь не требуется, взялся за своё — нарезал куриной травы,

перемешал её с отрубями, сделал корм и понёс его в задний двор. Пока кормил птицу, заметил, как жёлтый вол уставился на него своими маленькими глазами и протяжно замычал. Улыбнувшись, он подошёл и почесал того по лбу:

— Потерпи немного, сейчас дела доделаю — и пойдём пастись.

Маленьких утят, которых недавно принесли домой, можно будет в ближайшие дни выпустить на воду — но не сразу. Вэнь Ецай решил, что сначала пусть два-три дня побудут дома, привыкнут к новому месту. Пруд, где они смогут плавать, находился недалеко, и как только придёт время, можно будет поручить Эрню и Санья отвести их туда вместе.

В деревне уток держали не только в доме Вэнь, но утки — птицы смышлёные: знают хозяина, знают, где их двор, и просто так не разбредаются.

Когда солнце поднялось выше, Вэнь Ецай, как обычно, пошёл осматривать поля. А Вэнь-эрню, после того как полила грядки во дворе, повела жёлтого вола пастись. На всякий случай взяла с собой и Давана. С таким сопровождением ни один любопытный сосед, склонный к пересудам, близко не подойдёт.

Пока вол щипал траву, Эрню могла и делом заняться — собрать дикорастущую зелень, траву для кур, — а с собакой рядом и за скотину переживать особо не нужно.

Вэнь-санья с завистью смотрел, как все расходятся, — ему тоже хотелось пойти. Но Юй Шанчжи, почувствовав, что сегодня на улице прохладный ветер, решил не рисковать и настоял, чтобы тот остался дома. Санья хоть и послушный, но всё же немного приуныл. Раньше, когда здоровье было совсем слабым, он и не мечтал о прогулках. А теперь, когда стало полегче, детская жажда движения и любопытство стали пробуждаться.

Юй Шанчжи видел его разочарование и решил найти ему дело по душе. Он позвал Санья, велел принести кисть и чернила, чтобы помочь начертить планировку — эскиз того, как можно было бы обустроить в доме место для приёма пациентов.

Они ещё по дороге из города с Вэнь Ецаем решили, что использовать главную комнату под приём будет неудобно. А раз теперь оба живут в большой спальне, то бывшую комнату Вэнь Ецай — восточную — можно смело переоборудовать под приёмную.

Услышав, что можно рисовать, Вэнь-санья тут же оживился, с радостью взялся за дело: растёр тушь, щедро обмакнул кисть и, следуя указаниям Юй Шанчжи, начал аккуратно выводить линии на бумаге.

Поскольку бумага и тушь стоили недёшево, с детства его учили относиться к ним с уважением — как положено тем, кто знает цену письменности. Потому Санья никогда не чертил и не рисовал что попало, даже для забавы. Сначала у него не особо получалось — линии выходили кривыми, будто плясали по листу. Но постепенно рука привыкла, и штрихи стали ровнее,

точнее.

Сначала он и не понимал, к чему вся эта сетка линий, но когда Юй Шанчжи пояснил, что это называется план или плоская схема, глаза у мальчика тут же загорелись — стало ясно, что всё это не просто так.

Восточная комната в доме была совсем небольшой, размером с ладонь, так что нарисовать план оказалось делом недолгим. Санья добавил к рисунку небольшие подписи — где будет стоять стол, где поставить скамейку, — всё аккуратно промаркировал тушью.

Когда закончил, даже немного расстроился — хотелось ещё, рука только разошлась. Чтобы не скучать, снова взялся за любимую головоломку - лобансуо.

Во дворе остался только Эрван, второй пёс. Делать было нечего, он бродил туда-сюда. Заметив, что Юй Шанчжи сидит в доме без дела, пёс решился: в зубах аккуратно притащил плетённый мячик и, виляя хвостом, подошёл к нему. Юй Шанчжи услышал тяжёлое, характерное собачье дыхание — понял, что пёс уже тут, рядом. Протянул руку — и нащупал мяч. Эрван держал его не полностью, а слегка, за самый край — видно, сообразил, что если мяч будет весь в слюне, играть будет невесело.

— Хочешь поиграть? — спросил Юй Шанчжи с улыбкой, подбросив мячик в ладони. Он сразу понял: мяч не полый, а плотный, видно, потому и выдерживает собачьи зубы.

Юй Шанчжи, не раздумывая, размахнулся и метнул мяч подальше. Во дворе было просторно — лишь бы не задеть бочку с водой и грядки, остальное не страшно.

Эрван радостно тьякнул и, подпрыгнув, кинулся за мячом. Вскоре вернулся с добычей, и Юй Шанчжи снова его бросил. Так они играли несколько раз, и пёс никак не уставал, а напротив — будто бы всё больше расслабляясь.

К тому времени, как солнце поднялось уже высоко над крышами, Вэнь Ецай наконец вернулся с поля. Юй Шанчжи заранее остудил ему воду, добавив в неё щепотку соли. Вэнь Ецай, не говоря ни слова, поднёс чашку к губам и выпил до последней капли. Потом провёл рукой по губам и, причмокнув, удивился:

— Как-то солоновато, а?

— Ты вспотел с головы до пят, — спокойно ответил Юй Шанчжи, — немного солёной воды поможет быстрее восстановить силы.

Вэнь Ецай, ощутив, что на вкус странно, но в теле и вправду полегчало, тут же пошёл и налил себе ещё одну чашку.

— В поле всё хорошо, — сообщил он, вытирая шею рукавом. — Ещё немного, и можно будет в рисовые чеки сажать рассаду. Я вот что думаю: когда летом пшеницу уберём, кроме кукурузы, посеём ещё бобов.

Деревня Селю находилась в северной части провинции, и в здешнем климате за год сажали одну партию озимой пшеницы — сеяли осенью, убирали весной, в четвёртом или пятом месяце по лунному календарю. После уборки оставалась пара месяцев, когда сухие поля пустовали. Хозяйственные крестьяне не оставляли землю без дела и засевали её кукурузой или соевыми бобами. Впрочем, кукурузу предпочитали чаще: её можно было варить и есть, скормить скоту, а ещё початки и стебли сушили на топливо — зимой в печи самое то. Вэнь Ецай раньше тоже, по привычке, засеивал всё кукурузой. Но с тех пор, как Юй Шанчжи заговорил о производстве и продаже мыльных шариков зоудоу, его мнение изменилось.

— Разве ты сам не говорил, что мыльные шарики делают из соевой муки? — рассудительно заметил Вэнь Ецай. — Раз так, давай в этом году и мы посадим немного бобов. Кукурузы поменьше — и будет хорошо. Потом перемелем бобы в муку, и не придётся её покупать. А из мыльных шариков выручим серебро — на него любой крупы наберём, не обязательно кукурузой живы будем.

Экономить на сырье — конечно, дело хорошее. Юй Шанчжи вспомнил о покупке земли. Сам он в этом не особо разобрался, потому и спросил:

— У нас ведь денег хватает, может, прикупим ещё пару му земли?

Вэнь Ецай поставил чашку и изложил свои соображения:

— Деньги есть, не в том дело. Но покупка земли — дело небыстрое, зависит от случая. Хорошую землю, плодородную, кто ж станет просто так продавать? Только если уж совсем немоготу станет. А если земли станет больше, я один не управлюсь — придётся нанимать людей, а это новые расходы. Так что лучше сначала поспрашивать. Если и правда подвернётся хороший участок — тогда и купим.

— Верно, — согласился Юй Шанчжи. — Мы ведь не голодаем, можно и подождать. А насчёт работы в поле... ведь у тебя есть я?

Он и правда так думал: пусть сам он и не слишком сведущ в крестьянском труде, но всему можно научиться.

А вот Вэнь Ецай слабо представлял, как этот утончённый, белокожий мужчина будет под палящим солнцем месить грязь. В такую жару ему и рубаху снять неудобно, всё боялся, как бы не напекло.

Потому и ответил уклончиво:

— Ну, когда с глазами всё наладится, тогда видно будет.

Юй Шанчжи понял, что тот отнекивается, но спорить не стал.

«Можно с завтрашнего дня начать понемногу практиковать бадуаньцзинь, — подумал про себя Юй Шанчжи. — Когда тело окрепнет, смогу и Вэнь Ецаю в поле помогать».

После того как они закончили разговор о земле, Юй Шанчжи позвал Вэнь-санья, чтобы тот принёс чертёж. Нарисованный план он передал Вэнь Ецаю.

— Смотри-ка, а получилось вполне толково, — удивлённо пробормотал тот, глядя на бумагу.

На листе было изображено, как небольшую комнату разделили на три зоны: стол для приёма, лежанку для больных и место для хранения лекарств.

Однако Юй Шанчжи всё ещё колебался:

— Конечно, в комнате уже есть кровать, но раньше ведь ты сам на ней спал. Теперь, если она станет койкой для больных... как бы это ни стало для тебя тягостным. Всё-таки с этим местом у тебя связаны детские воспоминания. Если бы у нас было другое помещение, я бы и не думал занимать именно эту комнату.

Услышав его опасения, Вэнь Ецай даже не задумался, сразу мотнул головой:

— Мне всё равно. Да и зачем мне теперь та кровать? Всё равно уже не вернусь туда спать. Лучше подумать вот о чём — если у нас потом прибавится семья, места точно не хватит. Но до этого ещё доживём — тогда и решим.

Разве деньги в доме копятя просто так? Конечно нет — чтобы землю купить, чтобы со временем выстроить новый дом.

А поскольку теперь рядом Юй Шанчжи, с их общими стараниями, Вэнь Ецай был уверен: у их семьи обязательно будет не только достаток, но и просторное, крепкое жильё — куда лучше этих старых глиняных хибар.

— Тогда, значит, стол, стулья и кровать уже есть, — рассуждал Юй Шанчжи. — Я думаю повесить тканую занавеску, чтобы разделить зону приёма и лежанку, — если запачкается, её легко снять и постирать. А ещё нужно соорудить несколько стоек под лекарственные травы, два глиняных очага для варки отваров, и горшки для лекарств — этого, думаю, хватит.

Вэнь Ецай прикинул, кивнул:

— Это всё просто. В деревне Шуймо есть плотник — попрошу, чтобы сделал пару простых полок. Там же у них есть лавка, что продаёт керамику — наш глиняный очаг и аптечный горшок тоже оттуда, так что я заодно захвачу ещё по паре.

Он помолчал, перебирая в голове, ничего ли не забыл, и тут вспомнил — послезавтра же уже Цинмин. В такие дни по деревням обычно ходят торговцы с тележками, и если повстречать — обязательно нужно купить свечи, бумажные деньги, благовония.

— Этим я займусь, — сказал Юй Шанчжи, дождавшись, пока Вэнь-санья уйдёт в дом. — Всё-таки впервые встречаться с тестем и тещей — не с пустыми же руками. Может, прихватить и кувшинчик вина?

— Раньше я всегда ходил один, кроме благовоний и бумаги покупал разве что немного сладостей. Отец у меня выпить любил, да мать не разрешала — не покупал никогда. Но ты ведь теперь зять в семье, хочешь взять вино — бери. Торговцы его не продают, так что я в Шуймо куплю, когда туда пойду.

С этими словами Вэнь Ецай вдруг сам рассмеялся:

— Даже сейчас, когда обо всём этом думаю, будто во сне всё происходит.

Юй Шанчжи в ответ улыбнулся:

— Такие слова как раз мне и надлежит говорить. Если бы не эта судьба, где бы мне ещё найти себе такого фулана, как ты?

Вэнь Ецай слегка вспыхнул:

— Только ты ценишь такого фулана, как я.

Через два дня, ранним утром, он уже запрягал вола и готовил телегу — собирался в деревню Шуймо. Погода стояла ясная, и Вэнь-эрню договорилась с Ху Нью вместе пойти собирать дикие овощи и куриный корм.

Утят, которых в прошлый раз принесли домой, всё ещё не выносили к воде. Вэнь Ецай перед тем расспросил деревенских, у кого были утки, и те сказали, что прямо в пруд малышей пускать нельзя — сначала нужно дать им поплавать в чане дома, чтобы научились, тогда и на пруду будет проще. Так он отрядил в дело большой деревянный таз, налил в него из колодца воды и поставил Вэнь-санья рядом следить за утятами.

А Юй Шанчжи тем временем сидел во дворе и плёл бамбуковые корзины. В прошлой жизни он, помимо основной профессии, изучал и многое другое — чтобы скоротать время. В том числе — плетение из соломы и бамбука.

Для сушки и переработки трав без подносов не обойтись, а тех, что были в доме, явно не хватало. Поэтому он попросил Вэнь Ецая в свободное время настрогать побольше бамбуковых полосок, а сам на ощупь соорудил немало корзинок. Пусть и не слишком красивых, но для дома — вполне годных.

Иногда острой щепкой задевало о пальцы, оставляя мелкие царапины, но он только морщился и продолжал. В такой семье, как их, где даже Эрню каждый день трудилась не покладая рук, говорить о каких-то жалобах было бы стыдно. К тому же за эти два дня рана на затылке почти совсем зажила. Гематома рассосалась, и теперь, если не надавливать — уже не болит.

Давана и Эрвана сегодня оставили дома: один охранял вход, другой составлял компанию Санья, пока тот наблюдал за утятами. Не нужно и гадать — тем, кто смотрел за утятами, был Эрван. Он даже поднял голову и попытался носом подтолкнуть воду в тазу. Санья оттолкнул большую голову собаки, но тот воспринял это как игру, упёрся и не отступал.

Юй Шанчжи сидел в стороне, плёл сито и вполуха слушал, как Санья с серьёзным видом отчитывает Эрвана, — на губах у него играла лёгкая улыбка. Через некоторое время он насторожил слух — вдаль послышался знакомый перестук погремущки.

Юй Шанчжи не был уверен, правильно ли расслышал, и потому спросил:

— Санья, ты не слышал — не похоже ли это на барабанчик?

Мальчик тут же насторожился, наклонил голову, и как только звук приблизился, радостно вскочил:

— Это точно барабанчик, к нам в деревню пришёл бродячий торговец!

В сельской местности ведь нет никаких магазинов. Что-то купить можно только в дни, когда по деревне проходит разносчик, неся на коромысле короб и бренча игрушечным барабаном — «барабаном торговца», его ещё называют «барабан Хуолан», вроде тех, что любят дети.

Только услышав барабан, жители деревни уже знали: бродячий торговец близко. Все поспешно выходили на улицу с медяками в руках. А у кого не было ни монетки — приносили вместо денег рис, муку или яйца: разносчику ведь тоже нужно чем-то питаться, и натуральный обмен здесь — обычное дело.

Юй Шанчжи поспешно поднялся, опираясь на бамбуковую трость, и направился в дом за деньгами. По пути он сказал Вэнь-санья:

— Ступай к воротам, если разносчик будет проходить мимо, позови его, чтобы подождал. Нам нужно кое-что купить.

Вэнь Ецай рассказывал: в окрестностях всего один такой торговец, маршрут у него постоянный. Если он сегодня пришёл в деревню Селю, то в деревню Шуймо доберётся только к вечеру — значит, разминуться с Вэнь Ецаем и купить что-то дважды невозможно.

Юй Шанчжи взял с собой полцянтя, но, выйдя наружу, заметил, что торговец остановился далеко, на открытом участке перед домом, и не спешил подходить.

Вэнь-санья тянул за собой на верёвке Давана и Эрвана:

— Брат Юй, торговец боится собак, не решается подойти. Я сейчас отведу их внутрь, а ты позови его поближе.

Силёнок у Санья было немного — псы подчинились только потому, что доверяли своим. Проворчав пару раз, они всё-таки послушно уселись у его ног, обиженно озираясь.

Юй Шанчжи уже собирался выйти во двор, но прежде спросил:

— Санья, а ты сам что-нибудь хочешь?

Вэнь-санья покачал головой:

— Мне ничего не нужно. Зато вторая сестра недавно говорила, что, если придёт разносчик, она бы хотела купить себе новую ленточку для волос. Только вот теперь её нет.

Юй Шанчжи понял суть сразу:

— Ничего страшного, я куплю за неё.

Разносчик, часто бывая в этих краях, знал семью Вэнь. Про этот двор говорили, что тут держат двух здоровенных чёрных волкодавов, чуть ли не с человека ростом, а во главе дома стоит гер, живущий с двумя детьми. Теперь, увидев, что псы отступили, он осмелился снова поднять коромысло и пройти вперёд. Вышедший навстречу молодой человек выглядел незнакомо. В руках у него — бамбуковая трость, по всей видимости, он был слеп.

Разносчик быстро отвёл в сторону любопытный взгляд и бодро заговорил:

— Молодой господин, что угодно? У меня есть всё: масло, соль, соевый соус, уксус, нитки, иглы, взрослым и детям — на любой вкус!

Юй Шанчжи прекрасно знал, что носит с собой разносчик. Пусть ноша его выглядела не такой уж и большой, но в ней умещались десятки самых разных товаров.

— Две связки жёлтой жертвенной бумаги, один свёрток бумажных денег, ещё две свечи и пучок благовоний, — сказал он.

Покупал он это всё, конечно же, для поминальной церемонии на Цинмин. Торговец слышал подобные заказы уже не раз за день, ловко отделил нужное, а свечи заботливо завернул в промасленную бумагу.

— Две связки жёлтой жертвенной бумаги — пять вэнь, благовония — пять вэнь за пучок, свечи — по двадцать вэнь за штуку, — сказал торговец. — Итого ровно пятьдесят.

Жёлтая бумага — товар недорогой, в обычные дни продавалась по одному вэню за связку, как и благовония — по два вэня за пучок. Юй Шанчжи помнил, что в прошлый раз, когда покупал подношения для поминовения старого доктора Циня, цены были именно такими. Сейчас же, в преддверии праздника, торговец явно поднял цену. Но поскольку это товары для почтения умерших, торговаться считалось дурным тоном. Мелкие торговцы знали это — потому и смело назначали цену.

Свечи же вообще были предметом роскоши. В крестьянских семьях их редко когда зажигали — только по случаю обряда.

Юй Шанчжи пощупал купленные вещи — ничего подозрительного не обнаружил. Потом залез в карман, нащупал медные монеты. По дороге он уже считал — было примерно шестьдесят вэнь.

— А ленты для волос у тебя есть? Почём?

Разносчик тут же наклонился, достал пригоршню лент.

— По два вэня за штуку, — сказал он. — Цвета яркие, прочные, у меня весь округ покупает, и геры, и девчонки.

Юй Шанчжи решил взять сразу четыре — дома ведь не только Вэнь-эрню, но и сам Вэнь Ецай носит такие.

— Дай четыре. Только чтобы были двух разных цветов.

— Две алых и две бледно-жёлтых подойдут? Эти лучше всего расходятся, — бойко предложил торговец.

Увидев, что Юй Шанчжи кивнул, торговец тут же подсчитал:

— Тогда всего пятьдесят восемь вэнь.

— Есть ли у тебя какие-нибудь игрушки для детей, подешевле? Я до 60 округлю, — спросил Юй Шанчжи.

Перед уходом он пересчитал монеты — у него было ровно полцзяня, то есть шестьдесят вэнь. Теперь, когда он купил что-то для Вэнь Ецая и Вэнь-эрню, оставить Вэнь-санья без ничего было бы несправедливо.

Торговец тут же сообразил, достал несколько бамбуковых вертушек.

— А это как тебе? Два вэня за штуку, летает высоко!

Сделать такую игрушку — проще простого, цена на неё всегда была невелика. Да и потерялись они быстро, стоило поиграть — и пропала. Зато продавались на ура.

Юй Шанчжи одобрительно кивнул и отдал ровно шестьдесят вэнь. Вернувшись во двор, он тут же отдал бамбуковую вертушку Вэнь-санья.

Стоило пальцами крутануть — и игрушка стремительно взмывала в воздух. Главное — не задеть ей лицо или руки: если попасть по себе быстро вращающейся бамбуковой лопастью, будет довольно больно.

Вскоре вернулась Вэнь-эрню. Завидев игрушку, она тут же швырнула корзину на землю и начала упрашивать Санья дать ей тоже поиграть. А Вэнь-санья как раз вымотался, взмок от жары, и у него начался приступ кашля. Юй Шанчжи сразу подозвал его, вытер лицо платком, а затем, прислушавшись к его дыханию и прощупав пульс, обнаружил, что тот стал неровным и частым.

- Санья, если устал — иди полежи немного, потом поешь, а после полудня, когда спадёт зной, тогда снова выйдешь поиграть, — мягко сказал Юй Шанчжи.

Вэнь-санья ещё пару раз кашлянул, и хотя с его лба и шеи уже стерли пот, но на ветру он всё равно чувствовал прохладу. Он послушно протянул бамбуковую вертушку Вэнь-эрню:

— Вторая сестра, поиграй пока ты, я пойду в комнату книжку почитаю.

Вэнь-эрню, заметив, что брат явно нехорошо себя чувствует, проводила его в дом, а потом только снова вышла, ворча себе под нос:

— Эти две книжки для начального обучения он уже, кажется, до дыр зачитал. И что он в этих книгах находит?

Подняв голову, она столкнулась взглядом с Юй Шанчжи, и, вспомнив, что он ведь тоже вроде как учёный, ей стало немного неловко. Потупившись, она почесала нос и проговорила:

— Ай, да чего уж там. Старший брат говорит, что наша семья из поколения в поколение крестьяне, и если даже только Санья у нас один тянется к книгам — это уже как из дурного бамбука вырос хороший побег. А теперь, когда и ты с нами, брат Юй, у нас уже целых два «побега»!

Юй Шанчжи не удержался от улыбки, однако, подумав, всё же сказал:

— Не обязательно становиться учёным, но знать грамоту никогда не помешает.

Вэнь-эрню испугалась, что теперь брат Юй и ей захочет преподавать, сразу потеряла интерес к игрушке, и, вспомнив про полную корзину собранной зелени, поспешно переключилась на другую тему.

— Наверное, старший брат скоро вернётся, — сказала Вэнь-эрню, — я пока вымою зелень, обдам кипятком, а когда он придёт — сразу поставлю на пар.

Юй Шанчжи как раз достал из-за пазухи купленные ленты для волос, но едва собрался окликнуть, как услышал удаляющийся топот девчушки. Он только поспешно крикнул ей вслед:

— Эрню, не торопись! Я тебе ещё ленты для волос купил!

Две новые ленточки мгновенно вернули Вэнь-эрню расположение духа. Она выбрала себе ту, что была цвета утиных перьев, и, не удержавшись, не без гордости заметила:

— А эти две красные, брат Юй, ты оставь моему брату, он такие любит.

Юй Шанчжи обвил красную ленту вокруг пальцев, будто невзначай спросив:

— А что ещё любит твой брат?

Вэнь-эрню в это время вертела в руках свою ленту, наслаждаясь её непривычной красотой — такой оттенок ей ещё ни разу не доводилось носить. Не задумываясь, она тут же ответила:

— А мой брат... даже не знаю, может, деньги?

Юй Шанчжи: «...»

Похоже, чего-то внятного от Вэнь-эрню ему точно не добиться. Но хотя бы узнал, что Вэнь Ецай любит красный цвет — это уже можно считать полезной находкой.

А Вэнь Ецай тем временем как раз вошёл в дом, даже не подозревая, что в глазах собственной младшей сестры он — не кто иной, как ходячий денежный мешок.

Он подвёл жёлтого вола к середине двора, снял с телеги борта, после чего начал разгружать покупки — телега была нагружена изрядно. Вэнь-эрню сразу подбежала помогать, а Вэнь-санья, похоже, уснул в доме — ни звука не было слышно.

Юй Шанчжи шагнул вперёд, нащупал лоб жёлтого вола и, обращаясь к Вэнь Ецаю, поинтересовался:

— Что купил?

— У плотника Чжана как раз были готовые деревянные стеллажи, — бодро ответил Вэнь Ецай. — Правда, обычные — всего на две или три полки. Я подумал, тебе ведь для хранения трав нужно побольше места. Целый аптечный шкаф мы не потянем, но уж на стеллажи хватит. Так что я заказал пять штук, по шесть полок в каждом. За все триста вэнь, заберём через пару дней.

Он сказал это с видом заправского хозяина, не стесняясь траты, и тут же снял с телеги несколько аккуратно вложенных друг в друга деревянных тазов.

— А ещё, — продолжил он, — у него отличные деревянные тазы — я взял четыре. Теперь у каждого будет свой: один для ног, один для умывания. С теми, что уже были в доме, хватит на всех. И, кстати, я заказал ещё новую ванну.

Вэнь-эрню удивлённо вскинула голову:

— А у нас что, разве нет ванны?

Вэнь Ецай взглянул на неё и сказал:

— Та, что в доме — ваша с Санья, она слишком маленькая.

Он сразу заметил, что Юй Шанчжи не привык мыться в обычном деревянном тазу, а в доме сейчас нет никакой нужды экономить на ещё одной ванне. Более того, он нарочно выбрал особо большую, показав руками, чтобы вдвоём влезть можно было без труда.

<http://bllate.org/book/13600/1205947>